

Грудцыне» прямо выростала из сказочной конструкции. Обращенный характер чудесной помощи — результат непосредственной диахронической оппозиции *волшебный помощник/бес*, по типу однородной с культовой оппозицией *языческий бог/бес*.⁴⁵

Основное испытание в «Повести» оформлено точно так же, как и в сказке, — это битва и победа героя. Но между предварительным и основным испытаниями расположен еще один сюжетный отрезок — рассказ о путешествиях Саввы с Бесом. Хотя высокая степень проницаемости пространства здесь сугубо сказочная («Бес же и Савва об едину нош от Соли Камской объявишася на реке Волге во граде нарицаемом Кузьмодемьянском, разстояние имеюще от Соли Камской более двутысящ поприщ») (стр. 245), хотя Бес в данном случае, как и подобает чудесному помощнику, «поддерживает» функцию пространственного перемещения; самое описание этого путешествия, снабженное множеством точных топонимических указаний, уводит в сторону от сказки.

Вообще говоря, пространственные перемещения выглядят несколько загадочными. Скрипиль попытался интерпретировать их следующим образом: «Непонятные на первый взгляд переезды Саввы Грудцына с „названным братом“ из „Усольского града Орла“ в Козьмодемьянск, Павлов перевоз и Шую приобретают черты совершенно реального торгового маршрута, если мы учтем, что это был один из обычных торговых путей, соединявших северо-восточные окраины Московского государства с его центральными городами».⁴⁶

Возможно, что и так. Но наблюдение исследователя вовсе не объясняет, каково сюжетное значение поездок Саввы. С точки зрения логики сюжетного монтажа они совершенно бессмысленны; в конце концов Савва мог попасть в Шую, а затем под стены Смоленска сразу, без предварительного путешествия, которое не имеет никаких сюжетных последствий.⁴⁷

В сценах поездки Саввы с Бесом отчетливо прослеживается привнесение в сказочный субстрат «Повести» новых, не известных классической волшебной сказке элементов, которые создают иллюзию правдоподобия.

Однако их вторжение в сеть сказочных отношений на сравнительно раннем этапе реалистической трансформации сказки осталось незаструктурированным: в сюжетной последовательности звеньев они выглядят чужеродными. Это — внесистемное явление. Впрочем, избыточная в плане

⁴⁵ В классической сказке преобладает положительная оценка беса, или черта, как помощника. См. сюжеты №№ 360—362: Н. П. Андреев. Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне. Л., 1929. Но, по сути дела, этот процесс обращения волшебного помощника дает о себе знать уже в границах сказочного пласта. О трансформации мотива благодарного демона в европейской литературной традиции см. статью «Неудачное врачевание (античная параллель к русской сказке)» в кн.: И. И. Толстой. Статьи о фольклоре. М.—Л., 1966, стр. 60 и след.

⁴⁶ Скрипиль, 1935, стр. 200—201.

⁴⁷ Бегство Саввы из «Усольского града Орла» и путешествие мотивируются тем, что герой избегает встречи с Грудцыным-старшим, который предпринял розыски сына. Нельзя не заметить, что удельный вес мотивировок в «Повести» по сравнению со сказкой значительно возрастает. Ср.: «Есть основания думать, что сказке вообще не свойственны мотивировки, сформулированные словами, и мотивировки вообще с большой долей вероятности могут считаться новообразованиями» (В. Я. Пропп. Морфология сказки, стр. 69). «В сказке отсутствует одновременность перемещений разных персонажей (исключая, впрочем, ситуации сопутствия и погони). Если приводится в движение один персонаж, то другой должен быть усыплен, заточен, заколдован и т. д.» (Проблемы структурного описания..., стр. 125). Любопытно, что функция преследования перепоручена здесь отцу героя (в сказке она включена в поле действия вредителя).